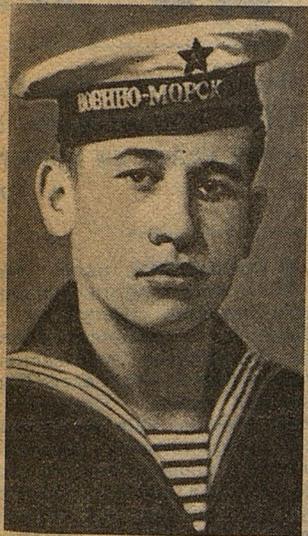

авг. 1987г.

КОГДА в конце беседы я попросил у Евгения Нестеренко фотографию для публикации в газете, он сказал с улыбкой:

— Для «Красной звезды» подготовил вот эту — в военной форме. Очень давний снимок. Но перед армией, флотом я до сих пор чувствую себя все тем же курсантом, готовым без усталости учиться у боевых друзей целеустремленности, верности, мужеству...

... Два десятилетия назад взойшла над миром творческая звезда Евгения Нестеренко, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии, солиста Большого театра, профессора Московской консерватории. Нынче это певец воистину мирового масштаба; недавно после гастролей советского вокалиста в Испании тамошняя пресса с присущим ей темпераментом назвала Нестеренку «Шалапиным наших дней».

— Слава на плечи не давит?

— По-моему, нормального, без «отклонений» артиста сейчас должно заботить не только и не столько собственное «я» и количество вызовов на поклон, сколько всеобщее наше артистическое дело. А с ним еще далеко не все ладится. Краски я не сгущаю, отнюдь! Об этом говорилось на съездах композиторов, театральных деятелей, писателей, кинематографистов. Мое сердце, как вы понимаете, больше всего болит, когда разговор ведется о музыке. Ведь вы, договариваясь о нашей встрече, планировали именно такой разговор?

Да, тему нашего разговора мы с Евгением Евгеньевичем определили заранее. Но при этом он поставил одно условие. Поскольку беседа наша предназначалась для страниц центральной военной газеты, он просил сказать о тех, кто помог ему в самых первых шагах на сцене, а сделаны они были в 1955 году, на военно-морском факультете (позже расформированном) Ленинградского инженерно-строительного института. Там, в курсантской художественной самодеятельности, обратил на него внимание заместитель начальника факультета капитан 2 ранга С. Кравченко, большой любитель искусства. Тот доложил начальнику факультета инженер-полковнику В. Хохлову: так, мол, и так, есть у нас курсант, с пластинок разучивает оперные арии и поет их весьма привлекательно, надо бы оказать ему содействие.

Этих людей артист и ныне вспоминает с самыми добрыми чувствами. Так и просил написать: флотское добросердечие, забота командиров стали той основой, на которой взросло его певческое имя.

— ...Мы уже говорили с вами, что с музыкой у нас в стране не все благополучно, — продолжает Евгений Евгеньевич разговор о notableм. — Вот вам информация к размышлению. В цифрах. Недавно был проведен опрос среди людей молодого и среднего возраста. Каждый второй из опрошенных считал, что надо больше передавать музыки по радио и телевидению. Но не обольщайтесь: 71 процент из них считает, что музыка нужна им только для того, чтобы отдохнуть и набраться настроения. Когда спросили, что же из огромных музыкальных богатств, накопленных отечественной и мировой культурой, они предпочитают, выяснилось: «лидеры» — «Горная лаванда», «Миллион алых роз» и т. п. И лишь три процента изо всего числа опрошенных сказали, что именно классическая музыка дает им духовный заряд, прибавляет жизненных сил, участвует в формировании их характера, взглядов.

— Евгений Евгеньевич, по на вкус и цвет, как известно, разговор ведется о музыке. Ведь вы, договариваясь о нашей встрече, планировали именно такой разговор?

ные права, если станем обобщать...

— Правильно, равные. Но не такие, как получается на деле. Эти тонны лаванды и миллионы роз заполонили все радиоволны, телеканалы — какое же тут равноправие?

В этом месте мы с собеседником малость поспорили. Если, говорил я, в радиоконцерте по заявкам вместо «Аквариума» или Паулса, указанных в письме, пойдет квартет имени Бородина или Моцарт — что получится? Ответ последовало, а почему подавляющее большинство заявок падает именно на «Аквариум», а не на Моцарта? Да потому, сам отвечал на

силиться к музыке в семье Ульяновых?

Кто этого не знает! Личность вождя формировавшаяся и под влиянием всеильного, великого искусства.

Но... Очень уж высок пример, выражаясь спортивным языком, планка поднята на рекордную отметку. Тогда, подумал я, слушая Нестеренку, стоит представить себе теплые сумерки где-то в маленьком городке — «штатском» или гарнизонном — с первыми звездами в безоблачном небе. Окна в домах полетному распахнуты. В домах уже отужинали, малышам пора баюшки. И самое время

Встречи по вашей просьбе

Евгений НЕСТЕРЕНКО:

Начинать с колыбельной

свой вопрос Нестеренко, что сначала по всем каналам пропагандируется «Аквариум» в ущерб Моцарту, умножая таким образом ряды тех, кто, кроме «легкой» музыки, и знать ничего не знает, а потом, ссылаясь на них, можно заявлять: народ, дескать, требует!

— Человека эдаким способом можно приучить жить легкой жизнью, — развивает мысль мой собеседник, — а можно воспитать его и поиному. Для чего мы являемся на землю? Я так думаю: чтобы пережить все те богатые чувства, которыми одарила нас природа. Ученые не без основания утверждают: ребенок, родившийся без музыкальных задатков и даже без музыкального слуха, может приобщиться к музыке, если родители, воспитатели, учителя будут с ним заниматься. Что делается в этом направлении сейчас? Почти ничего, в детских садах и школах плохо поставлено музыкальное воспитание. Стоп: я сам себя опережаю. Сначала надо говорить о семье. Вы помните, конечно, как отно-

услышать нежный голосок, напевающий...

— Да, вы правы, — поддерживает Евгений Евгеньевич, — современные мамы разучились баюкать своих ребятшек колыбельными. Да и редко уже услышишь из окон хоровое, традиционное для русского, российского дома пение. В армии оно живет: поют в строю, на привале, только на привале хором все реже, чаще один поет, подыгрывая себе на гитаре, остальные слушают.

Что касается, так сказать, семейного пения — явная наша с вами недоработка. Да, наша с вами: ведь вы, работники средств массовой информации, забыли второе, куда более значимое слово в вашем названии — и пропаганды, в том числе пропаганды культуры, пропаганды хорошего вкуса. А ведь это — тоже идеология! Так вот, дома малыш не слышит пения. Не слышит даже колыбельной. Пойдет в садик, там в лучшем случае споет о том, как сидел в траве кузнечик. А уж о школе нужен сейчас серьезнейший разговор. Не-

давно я вычитал в газете ужасающую вещь: оказывается, на историю Великой Отечественной войны программа отводит мизерное количество часов. Изучение военной истории, как и приобщение к искусству, — это, я считаю, равнозначные категории. Ибо они из того основополагающего, что в конце концов называется одним словом: духовность. Духовность, понимаете? Без нее личность — калека. Ни к станку, ни к воинскому строю — вообще никуда не пригоден человек бездуховный.

— Резковато у вас получается, Евгений Евгеньевич... Вам могут возразить: в школе сейчас с малых лет человека приобщают, например, к кибернетике. Первоклашки у мини-ЭВМ колдуют: в век научно-технической революции куда денешься без компьютера?

— Да ведь давно кончились споры о ветке сирени в космосе! Если НТР замкнет человека в мир только роботов и всякой другой техники, она сама же станет невозможной, просто не состоится без духовного развития тех, кто сидит за дисплеями сегодня или сядет за них в будущем. Это не моя мысль, это академик Лихачев мудро подметил: бездуховность идет вразрез задачам технического прогресса. Да и вообще, каким может быть человек, если он сизмалства не прикоснулся сердцем к прекрасному, к искусству? На изучение дождевого червя школьная программа отводит столько же часов, сколько и на «Братьев Карамазовых» Достоевского. Школа, по моему мнению, часто отбивает охоту к литературе, а принудительное «пение всем классом» и приводит в конце концов к тем злосчастным трем процентам любителей серьезной музыки, классики.

— Но и в легкой музыке есть тоже своя классика, есть классический джаз, рок-музыка тоже разная.

— «Разная» — это вы точно сказали, комментировать даже не надо... Так вот я, если позволите, скажу еще о нас с вами — певцах и газетчиках, о том, как мы пропагандируем большое искусство. Плохо пропагандируем! Особенно — оперу. В кои-то веки поставил Большой театр детский спектакль «Сказку о царе Салтане». Это очень

важно: ребенок приходит в оперу, жанр трудный, а попадает в знакомый, любимый мир сказки. Если он с малых лет прикоснется к нетленному миру истинных эстетических величин, с годами будет накапливаться в нем их понимание, стремление к ним. А пока он со всех сторон слышит «Я уеду в Комарово!».

Поймите, я действительно за равные права для лучшего во всех жанрах! Я — за приобщение ко всему разнообразию музыкальных богатств — богатств, но не поделок и не подделок. А пока и оперные театры, и филармонии дают детям крохи. И пресса... Хоккейный, футбольный матч сыграли — утром он расписан во всех газетах, не только в «Советском спорте». А оперу, балет, симфонический концерт чаще всего даже и не отрецензируют.

— А ведь пора, пора бить тревогу, — озабоченно хмурится артист. — Даже столица плохо обеспечена концертными залами, где могла бы вестись планомерная работа по шлифовке музыкального вкуса молодого в первую очередь зрителя. И вы знаете, именно на военные оркестры, способные работать в любых условиях, возлагаю я свои надежды. Они — всегда в гуще зрителей, в массе, дети их любят. Надо, чтобы они включали в свой репертуар специальные музыкально-образовательные программы — они и солдатам, и офицерам, и «гражданской» публике полезны. А ансамбли с их хоровыми коллективами? Лучшие из них поют классику — пусть это станет более активным процессом, ведь по большому счету музыкальное здоровье народа — это и составная часть его здоровья нравственного.

А я, со своей стороны, как артист и прежде всего как коммунист считаю своим долгом еще более активизировать просветительскую деятельность, привлекать к этому товарищей по оперной сцене, вокальному искусству. Перестройка должна в полной мере коснуться и вопросов музыкальной пропаганды. Народ дал нам в руки свою песню, народу мы должны ее и вернуть, не дав ей потеряться в сатанинских децибелах сиюминутных модных течений.

В. ВЛАДИМИРОВ